

Нелёгкая доля императорского соученика-сопровождающего

На протяжении всего рассказа Е Чжэнь сохранял бесстрастие. Лишь когда Шуанчэн дошёл до того, как в гневе ушёл великий наставник Ма, на его лбу пролегла едва заметная морщинка.

— Мал ещё, а дерзишь, — обронил он.

— Да-да, — покладисто закивал Шуанчэн. — Мал ещё, держусь без почтения.

— И правил приличия не знаешь.

— Совершенно верно, никаких правил не знаю.

Внезапно Е Чжэнь переменился в лице. Он прищурился и лукаво усмехнулся.

— И когда же ты снова успел заглянуть в весёлый терем?

Шуанчэн тут же скорчил жалобную мину:

— Брат, помилуй, да как бы я осмелился? Клянусь тебе! С тех пор как ты меня в прошлый раз проучил, я туда ни ногой! Поверь мне хоть раз, у твоего глупого брата духу на такое не хватит!

— Что ж, не беда, — отозвался Е Чжэнь. — Если попадёшься ещё раз, я просто переломаю тебе ноги. Глядишь, тогда в поместье наконец наступит покой.

— Братец...

Шуанчэн прослезился. Заметив, что Е Чжэнь приподнял руку, он решил, что сейчас его непременно ударят. Не помня себя от испуга, юноша рванулся вперёд, уткнулся носом брату в грудь и, отчаянно извиваясь, взмолился:

— Брат, братец, пощади! Худой мир лучше доброй ссоры! Согласие приносит богатство, пощади!

Е Чжэнь на мгновение опешил. Вздохнув, он мягко заправил растрёпанные волосы Шуанчэна ему за ухо и негромко пожурил:

— Чтобы я больше не слышал от тебя этих похабных стишков. А к великому наставнику Ма ступай сам и принеси глубочайшие извинения. Понял меня?

Шуанчэн не посмел перечить и торопливо закивал, крепко цепляясь за плечи старшего брата. Сгорая от стыда и смущения, он зарылся лицом ещё глубже в его одежды.

Е Чжэнь мысленно вздохнул, но отталкивать его не стал. Лишь когда экипаж остановился у ворот поместья Е, он негромко произнёс:

— Приехали. Теперь-то отпустишь?

Шуанчэн густо покраснел — жар докатился до самых кончиков ушей. Пробормотав что-то невнятное, он кубарем вылетел из кареты и со всех ног бросился в ворота.

Старый управляющий, подвернувшийся под руку, отлетел в сторону и едва удержался на ногах.

— Ох, второй господин! — закричал он вслед уносящемуся вихрю. — Пожалейте кости старика, они у меня не такие крепкие, как ваши!

На следующий день Шуанчэн послушно отправился вымаливать прощение у великого наставника Ма. Тот души не чаял в Е Чжэне, а потому проявил снисходительность и к его младшему брату.

— Молодым людям надлежит усердно учиться, дабы возвращать в себе добродетель, — наставительно поучал старик. — Книги — вот истинный путь. И нечего тебе якшаться со всяким сбродом в грязных вертепах.

Шуанчэн прилежно кивал на каждое слово, хотя вряд ли принял эти нравоучения близко к сердцу.

Как ни странно, после той вольной поэтической выходки отношение к Шуанчэну в Зале Развития Литературы переменилось. Наследники знатных родов и сами принцы прониклись к нему невольным уважением. В силу возраста все они ценили остроумие и неформальное общение, так что вскоре Шуанчэн стал душой компании. Даже высокомерный Не Тинфэн, прежде презиравший его общество, в конце концов не устоял. Поддавшись на уговоры приятелей, он сменил гнев на милость, и между ними установилось хрупкое перемирие.

Но беззаботные дни быстро подошли к концу. В одно прекрасное утро, когда все ожидали прихода великого наставника Ма, разнеслась весть: старик слёг с простудой, и заменять его будет сам Е Чжэнь.

Зал мгновенно погрузился в панику. Вспомнив, что задание, порученное Главой кабинета несколько дней назад, до сих пор не выполнено, юноши заметались. По комнате полетели свитки, зашуршала бумага, заскрипели наспех затачиваемые кисти.

— Пропал я! — вскричал кто-то, хлопая себя по лбу. — Я же прошлый разбор наизусть так и не

выучил!

— Да ладно разбор, — горько усмехнулся один из принцев. — Мы и общее введение вряд ли без запинки перескажем.

Лица у всех сделались кислыми. Е Шуанчэн уже открыл было рот, собираясь приободрить товарищей по несчастью, как сидевший рядом пятый принц Ли Цзэю толкнул его локтем:

— Тихо. Идёт.

Шуанчэн мгновенно прикусил язык. В класс размашистым шагом вошёл Е Чжэнь. Он поднялся на возвышение и медленно окинул взглядом притихших учеников. Он на мгновение задержал взгляд на Шуанчэне, но тут же безразлично посмотрел дальше.

— Начнём с проверки вчерашнего урока, — негромко произнёс он.

Сердца у всех ушли в пятки. Пытаясь сделаться как можно незаметнее, юноши повтягивали головы в плечи, лишь изредка обмениваясь испуганными взглядами.

«Что они так трясутся, словно мыши перед котом?» — фыркнул про себя Шуанчэн.

Впрочем, вспомнив, какими крутыми методами его брат привык наводить порядок, он быстро согласился с общим страхом.

— Пусть пятый принц изложит суть прошлых рассуждений, — прозвучал ледяной голос Е Чжэня.

Ли Цзэю медленно поднялся со своего места. У Шуанчэна внутри всё сжалось от дурного предчувствия. Как соученику-сопровождающему, ему полагалось разделять не только славу, но и побои: провалится принц — под розги или линейку подставит спину его верный соученик-сопровождающий.

Шуанчэн затаил дыхание. Поначалу Ли Цзэю отвечал уверенно и гладко, и Шуанчэн уже успел мысленно перевести дух, как вдруг голос принца оборвался на полуслове. Шуанчэн едва не поперхнулся воздухом от неожиданности.

Е Чжэнь молча смотрел на Ли Цзэю, ожидая продолжения. В классе повисла звенящая тишина. Ученики беззвучно молились, лишь бы гроза не перекинулась на них.

Пятый принц действительно позабыл окончание трактата. Он попытался продолжить, но начал путаться и запинаться, что, разумеется, не могло удовлетворить строгого наставника.

Расплата не заставила себя ждать.

Выйдя вперёд, Шуанчэн послушно вытянул руки ладонями вверх. Тяжёлая линейка для наказаний опускалась раз за разом — больше десятка хлёстких ударов. От нестерпимой боли хотелось запрыгнуть на месте, но Е Чжэнь и не думал смягчать руку. Понимая, что перед всем классом бунтовать нельзя, Шуанчэн лишь крепче сжимал зубы.

Когда экзекуция закончилась, ладони горели огнём и заметно припухли. Кое-как сдерживая дрожь в пальцах, он побрёл к своему столу под негромкий, ехидный смешок Не Тинфэна.

Шуанчэн демонстративно отвернулся, даже не взглянув на обидчика.

«Ну и кретин», — мысленно выругался он.

Тем временем Е Чжэнь раскрыл свиток и как ни в чём не бывало продолжил прерванную лекцию.

У Шуанчэна от боли всё плыло перед глазами, какая уж тут учёба. Спрятав руки под стол, он осторожно растирал горящие ладони, про себя осыпая брата проклятиями.

«Вот же упрямый сухарь! Отвечал-то пятый принц, а отдуваться мне! Ладно, таков закон для соученика-сопровождающего, но мог бы хоть силу поберечь! Никакой справедливости!»

По окончании занятий Е Чжэнь, у которого явно оставались неотложные дела в Внутреннем кабинете, наспех раздал домашнее задание и поспешил уйти.

Стоило дверям за ним закрыться, как вокруг стола Шуанчэна собралась толпа.

— Ох и лютует твой братец, — сочувственно покачал головой один из товарищей. — Живого места на руках не оставил.

Цзи Минхуай протиснулся вперёд, осмотрел пострадавшие ладони и уныло вздохнул:

— Да уж, товарищ по несчастью...

«Неужто и его дома старший брат держит в ежовых рукавицах?» — невольно подумал Шуанчэн.

— От одного свиста этой линейки кровь в жилах стынет, — поддакнул другой молодой господин. — Слава богам, пронесло!

— Хм, скажи спасибо, что не вызвали двенадцатого принца, — усмехнулся седьмой принц, скрестив руки на груди. — Вот тогда бы ты точно взвыл от боли.

Услышав это, упомянутый соученик двенадцатого принца удручённо вздохнул, сокрушаясь о своей горькой доле.

В императорской школе все знали, что двенадцатый принц Ли Чэнгуан в учении ленив и глуп. Стоило наставнику спросить его о чём-то, он лишь хлопал глазами, а расплачиваться за его невежество приходилось несчастным соученикам-сопровождающим, чьи спины и руки никогда не заживали.

Шуанчэн невольно скользнул взглядом в угол класса. Двенадцатый принц молча собирал свои принадлежности. Заслышав насмешки, он лишь плотнее сжал губы и, не проронив ни слова, поспешил выйти в сопровождении евнухов.

Не успел Шуанчэн отвернуться, как перед его столом вырос Не Тинфэн.

— Надо же, великий второй молодой господин Е тоже умеет получать на орехи, — ядовито процедил он. — Какое редкое и забавное зрелище!

Шуанчэн разозлился. При брате он не мог проучить этого наглеца, но теперь ему ничто не мешало. Оттолкнув в сторону загораживавшего дорогу приятеля, он шагнул к Не Тинфэну:

— Если тебе так не терпится получить по зубам, только скажи. Сделай одолжение, скажи ещё хоть слово, и я с радостью тебе помогу.

Цзи Минхуай испуганно дёрнул его за рукав:

— Шуанчэн, ради всего святого, не вздумай устраивать драку!

Не Тинфэн, однако, отступать не собирался:

— Ты забываешься, Е Шуанчэн! Думаешь, ты в своём поместье, разбойник? Решил кулаками помахать в императорском дворце? Храбрости занял у разбойников с большой дороги?!

В этот момент в их спор вмешался Ли Цзэю. До сих пор хранивший молчание пятый принц холодно произнёс:

— Не Тинфэн, ты, я вижу, тоже страх потерял. Раз уж помнишь, где находишься, какого чёрта устраиваешь свару? Или законы дворца тебе больше не указ?

Присутствующие тут же притихли, не желая вмешиваться в разборки высочайших особ.

Не Тинфэн явно не ожидал, что принц примет сторону своего соученика-сопровождающего. Поспешно поклонившись, он пробормотал извинения, уверяя, что и в мыслях не имел нарушать приличия.

— Тогда проваливай, — отрезал Ли Цзэю. — Чего стоишь?

Бросив строгий взгляд на остальных, он добавил:

— И вы все тоже. Свободны.

Школяры не заставили себя долго ждать и торопливо покинули Зал Развития Литературы.

Шуанчэн увязал книги и уже повернулся к выходу, но принц преградил ему путь рукой.

— Погоди, Шуанчэн.

— Время обеденное, Ваше Высочество, — удивился тот. — Неужто решили угостить меня ужином?

Ли Цзэю лишь покачал головой.

Шуанчэн тут же сделал шаг назад и подозрительно прищурился:

— Только не говорите, что мне придётся писать за вас сочинение! Тут вы ошиблись адресом, моя служба ограничивается совместным чтением, и ни буквами больше!

— Много о себе мнишь, — фыркнул Ли Цзэю. — Стал бы я доверять тебе свои свитки. С твоими познаниями тебя и в соученики-сопровождающие-то взяли по чистой нелепости!

Шуанчэн равнодушно пожал плечами:

— Ну, раз так, разрешите откланяться. Дома ждёт обед.

Принц вдруг как-то раздражённо махнул рукой:

— С глаз моих, убирайся.

Шуанчэн хмыкнул, подхватил свои нехитрые пожитки и весело зашагал прочь из дворца.

Стоило ему вернуться в родное поместье, как недавняя обида на брата вспыхнула с новой силой. Разобиженный Шуанчэн сразу же заперся в своём флигеле, наотрез отказавшись показываться на глаза домашним.

Когда начало смеркаться и слуги зажгли фонари, Е Чжэнь покинул свой рабочий кабинет. Не обнаружив младшего брата на обычном месте, он подозвал слугу.

— Господин, — почтительно доложил тот, — Второй господин как вернулся из дворца, так сразу ушёл к себе. Лица на нём нет, ни с кем и словом не обмолвился.

Е Чжэнь нахмурился, но тут же, сообразив, в чём дело, с тихим вздохом покачал головой:

— Ступай и позови его к ужину.

Слуга торопливо поклонился и поспешил исполнить приказание.

Шуанчэн явился хмурый, как грозовая туча. Буркнув дежурное приветствие, он натянуто поклонился:

— Приветствую старшего брата.

По одному тону Е Чжэнь понял, что тот до сих пор дуетя, но подавать виду не стал. Подойдя к столу, он изящным движением расправил полы халата и сел.

— Садись ужинать.

Шуанчэн шумно пододвинул стул на самый край стола, подальше от брата. Схватив пиалу с рисом, он принялся молча и ожесточённо работать палочками, не поднимая глаз.

Е Чжэнь, не обращая внимания на эту детскую пантомиму, неторопливо приступил к трапезе.